

основную драму, дѣлали ее невыносимой, придавали иногда недостойныя формы.

Обо всемъ этомъ рассказываетъ Т. Полнеръ. Но онъ описываетъ и годы счастья до кризиса, пережитаго Толстымъ. И въ періодъ тяжелыхъ супружескихъ столкновений онъ отмѣчаетъ всю сложность отношеній между Толстымъ и его женой. Здѣсь были наряду съ этимъ нѣжныя заботы и преданность. Была любовь, которая, несмотря на все, порою снова согрѣвала и продолжала существовать почти до послѣдняго времени. Авторъ рассказываетъ, какъ уже въ 1906 г. послѣ операциі, перенесенной Софьей Андреевной, Толстой былъ трогательно нѣженъ съ ней и говорилъ ей: «Вотъ ты лежишь и не ходишь, и не слышу я по комнатамъ топота твоихъ ногъ, и знаешь, не слыша ихъ, я плохо читаю и плохо пишу». Авторъ рисуетъ, какъ заботливо и преданно оберегала Софья Андреевна великій художественный талантъ своего мужа.

Намъ кажется лишь, что авторъ нѣсколько неправъ, подчеркивая порою особенно практицизмъ, любовь къ деньгамъ, къ славѣ Софьи Андреевны. Они были не больше, чѣмъ вообще у людей «міра сего» и казались такими непріемлемыми лишь рядомъ съ Толстымъ. И нѣсколько больно своей, — думается намъ — несправедливостью по отношенію къ Софьѣ Андреевнѣ задѣло насъ одно замѣчаніе автора, занимающее у нея отчасти и то, что надо было бы признать ея заслугой, какъ будто безъ оговорокъ. «Ея историческая задача, пишетъ авторъ о Софьѣ Андреевнѣ, представлялась ей въ томъ, чтобы быть на самомъ дѣлѣ доброй феей, охранявшей талантъ и здоровье гениальнаго мужа». А въ скобкахъ прибавляетъ: «и въ особенности казаться (такой феей) современникамъ и потомству». Какъ будто то, что было извѣстно намъ раньше, и то, что рассказываетъ по этому поводу самъ авторъ, этого «въ особенности» не оправдываетъ.

Нѣтъ, Софья Андреевна по своему вѣрно служила своему мужу — не для потомства. И никто другой, какъ она, и послѣ его смерти, уже дряхлой 74-хъ лѣтней старухой «каждый день», по рассказамъ автора, «проходила версту до могилы мужа и мѣняла на ней цвѣты».

И не вина ея и не вина Толстого, а роковая бѣда въ томъ, что, какъ говорила она послѣ смерти мужа, «сорокъ восемь лѣтъ прожила она съ Львомъ Николаевичемъ, а такъ и не узнала, что онъ за человекъ».

Мы попытались не только дать отзывъ о книгѣ Т. Полнера, но и ознакомить читателя — по необходимости кратко и неполно — съ ея содержаніемъ. Книга эта, — по нашему мнѣнію, глубоко интересная, — войдетъ цѣннымъ и замѣтнымъ вкладомъ въ громадную литературу о Толстомъ.

Н. Авксентьевъ.

Г. П. Федотовъ. Святой Филиппъ, Митрополитъ Московскій. УМСа-Press, Парижъ, 1927.

Небольшая книга Федотова имѣетъ, по моему мнѣнію, чрезвычайное значеніе. Авторъ подвергъ въ ней пересмотру вопросъ не только о взаимоотношеніяхъ между Церковью и Государствомъ въ царство-

ваніе Ивана Грознаго, не и о всемъ содержаніи этого царствованія. Его книга — реакція противъ того, что принято, по какому-то недоразумѣнію, считать «научной» трактовкой исторіи, т. е. подведенія исторической реальности подъ отвлеченныя категоріи формальныхъ наукъ, какъ: теорія права, социологія, политическая экономія. Такъ вмѣсто Ивана Грознаго получалась «государственная необходимость», вмѣсто митрополита Филиппа — «боярская» (или «феодалъная») «реакція»; живые, подлинныя люди обращались въ «представителей» или «носителей» тѣхъ или иныхъ «началъ», или «общественныхъ слоевъ» или тому подобныхъ мнимыхъ величинъ, иными словами попросту куда-то исчезали за предѣлы поля зрѣнія историковъ. Почему въ самомъ дѣлѣ «государственное начало» требовало всѣхъ тѣхъ гнусностей, которыя продѣлывались надъ запуганнымъ и беззащитнымъ народомъ (отнюдь не надъ одними лишь «феодалами») Басмановыми, Штаденными, Скуратовыми? Но для «науки» эти гнусности представлялись какими-то *ad hoc*, онѣ относились къ плану, не имѣвшему ничего общаго съ «эволюціей» социальнo-политическихъ отношеній, и потому все равно, что не существовали. Со св. Филиппомъ дѣло обстояло также весьма просто: достаточно было знать, что онъ принадлежалъ къ боярскому роду, чтобы «свести» его подвижничество и его подвигъ къ «феодалъной реакціи», и тѣмъ самымъ лишить ее ея собственнаго интереса. При такомъ отношеніи къ историческимъ реальностямъ онѣ обращаются въ простые «примѣры», сами по себѣ безразличныя и легко замѣстимыя. Схема, подъ которую реальности такимъ способомъ подгоняются, остается тѣмъ, чѣмъ и раньше была, исторію легко выразить въ небольшомъ числѣ формулъ*). **Овладевъ историческимъ матеріаломъ значило до такой степени безъ остатка разнести его по «категоріямъ», чтобы въ немъ уже болѣе не представлялось никакой нужды, чтобы его можно было попросту забыть.** Федотовъ принадлежитъ къ петербургской школѣ историковъ, отличительной чертой которыхъ является стремленіе вернуть исторіи ея самостоятельное значеніе. Онъ индивидуализируетъ и самого Грознаго, и опричнину, и Филиппа ... и именно это позволяетъ намъ перейти не къ «соціологическимъ» и не къ «публично-правовымъ», но къ историческимъ обобщеніямъ, болѣе того: прямо таки наталкиваетъ на нихъ. Намѣтить эти обобщенія — значитъ дать одѣнку книги Федотова (анализировать ее я не смѣю: ее долженъ прочесть каждый; она, кстати сказать, написана чрезвычайно увлекательно и волнующе). Я начну съ одного — единственнаго — пункта моего расхожденія съ авторомъ. Федотовъ отказывается видѣть въ Иванѣ IV прямого предшественника Петра, тѣмъ болѣе — ставить ихъ на одну доску, какъ это сдѣлалъ недавно проф. Випперъ. Не надо, разсуждаетъ онъ, забывать о главномъ: Петръ создалъ Имперію, а Иванъ чуть не погубилъ той, которая далась ему по наследству, и во всякомъ случаѣ довелъ свое

*) Рожковъ, сдѣлавшій это, былъ только послѣдовательнѣе многихъ другихъ.

государство до смуты. Мне кажется, что Федотовъ черезчуръ «снижаетъ» Ивана IV. Политическія цѣли у Ивана IV все же были общія съ Петромъ. Параллель между обоими напрашивается, но только — не Иванъ IV отъ этого выигрываетъ, а Петръ теряетъ. Одинъ умертвилъ сьятаго митрополита, другой надругался надъ самой идеей Церкви и поработилъ русскую Церковь «доброму офицеру», оба — сыноубійцы, оба — страшно выговорить — палачи-любители. И вотъ именно то, что два самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ человѣка старой Руси были великими сръшниками и великими преступниками, приобретають значеніе тревожнаго и зловѣщаго символа. Какая почти непрерывная цѣпь катастрофъ и злодѣяній — исторія царствованій послѣ Петра! Военно-дворцовые перевороты 18-го вѣка, убійство двухъ законныхъ императоровъ Екатериной II (одинъ изъ нихъ — ея мужъ!), убійство ея сына съ молчаливаго согласія ея родного сына, планъ убійства этого послѣдняго и всей царской семьи едва не осуществленный, убійство — послѣ продолжительной травли — ея внука, убійство внуковъ этого послѣдняго и истребленіе почти безъ остатка царствующаго дома... Здѣсь есть какая-то закономерность, какая-то солидарность въ грѣхъ и въ карѣ, вызывающая въ памяти мнѣ о домѣ Атридовъ и убѣждающая въ реальности уже не социологическихъ и иныхъ «категорій», но конкретной жизненной формы, каковой является русская государственная власть. И это — одна сторона дѣла. Другая — «копричина», въ буквальномъ смыслѣ этого слова (отъ «копричь» — «кромѣ», «отдѣльно»): самонзоляція власти, взятіе собственного народа ступомъ подъ полнорѣшіе, учрежденіе для всей своей страны режима «чрезвычайной охраны», — положеніе, исключавшее возможность сколько-нибудь устойчивыхъ отношеній между властью и подвластными, разрѣшавшееся въ вспышкахъ гражданскихъ войнъ, инициатива которыхъ нерѣдко исходила отъ самой власти. — Такою гражданской войной, подожгой самимъ правительствомъ противъ собственныхъ подданныхъ, была, по удачной характеристикѣ автора, и опричнина Ивана Грознаго: избіеніе стрѣльцовъ, бирюковщина, терроръ Павла I, аракеевщина съ клеинмихелевщиной, 9 января, режимъ ЧК и ГПУ. И нечего утѣшать себя аналогіями изъ западно-европейской исторіи — это значитъ знавать въ ту ошибку обезличенія исторіи, подмѣны ея реальностей «категоріями», о которой я говорилъ. То, что тамъ было исключеніемъ, у насъ было правиломъ; а поэтому то, что тамъ дѣйствовало въ сторону національно-государственной консолидации, у насъ привело къ такому поистинѣ страшному разъятію слагающихся національно-государственное цѣлое силъ, что, когда власть въ концѣ концовъ сама ужаснулась тому одиночеству, на которое она себя обрекла и стала искать опоры въ «обществѣ» и въ «народѣ», она приняла совершенно искренно за таковыя флориду охраннаго отдѣленія, какою былъ «Союзъ Русскаго Народа», и что впоследствии «народъ» весьма охотно принялъ участіе въ истребленіи — подъ знаменемъ... социализма и демократіи! — русской социалистической и демократической интеллигенціи...

Что деспотизм Грознаго былъ кощунственнѣйшей деградацией идеи православнаго «Государства Правды» (у Федотова, кстати сказать, прекрасно прослѣжено, какъ подъ перомъ царя-публициста искажается и упрощается московская мистико-политическая идеология), видѣли уже современники. Однако въ Россіи нарушить «безумное молчаніе» общества осмѣлился только одинъ человекъ. Правда, что позже, при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣдовало перенесеніе мощей св. Филиппа, обставленное такъ, что оно получило характеръ торжественнаго осужденія съ высоты престола той государственной системы, которую нельзя квалифицировать иначе, какъ «оскверненіе идеи православнаго царства» (слова автора) и вмѣстѣ характеръ всенароднаго покаянія въ грѣхѣ «безумнаго молчанія». Но уже сынъ царя Алексѣя, при молчаливомъ попустительствѣ народа и самихъ іерарховъ, подвергъ православную церковь новымъ униженіямъ. Ритмъ русской исторіи слагается изъ чередованія глубочайшихъ нравственныхъ паденій и моментовъ раскаянія, просвѣтленія и подъема, длительного угасанія идеи нации — когда «власть» и «народъ» перестаютъ быть «органами» одного организма, становятся внѣположными, духовно глубоко-чуждыми одна другой величинами, — и внезапнаго возрожденія идеи «всей земли»; — и эти смѣны столь рѣзки, контрасты свѣта и тѣни столь разительны, что невольно спрашиваешь себя, тотъ-ли это самый народъ сегодня, что былъ вчера и ощущаешь съ глубокой внутренней достовѣрностью незримое участіе въ его жизни какихъ-то сдержанныхъ, противоборствующихъ въ теченіе вѣковъ на попріищъ его исторіи злыхъ и добрыхъ силъ. Самой проникновенной философій русской исторіи надо поэтому счесть «романъ-мистерію» Достоевскаго: «здѣсь Богъ съ Дьяволомъ борются, а поле битвы — сердца людей». Нѣкоторыя страницы книги Федотова, посвященныя опричиннѣ, гдѣ онъ мастерски воссоздаетъ психическую атмосферу заведеннаго Грознымъ «церковно-застѣночнаго быта», вызываютъ невольно въ памяти Записки изъ Подполья, Исповѣдь Ставрогина и наиболѣе жуткія главы Братьевъ Карамазовыхъ; — и такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы подозрѣвать автора въ «стилизацию» своего матеріала «подъ Достоевскаго» — тѣмъ болѣе, что онъ держится близко источниковъ и притомъ, въ упомянутыхъ мѣстахъ, какъ разъ такихъ (нѣмцы-опричники), чье безхитростно-циничное изложеніе является надежной гарантіей объективности, — то это сходство служитъ доказательствомъ, что сущность и историко-философскій смыслъ разсказанной авторомъ трагедіи угаданы имъ вѣрно.

П. Бицилли.

N. v. Bubnoff. Kultur und Geschichte im russischen Denken der Gegenwart (изъ серіи «Quellen und Studien» «Восточно - европейскаго Института» въ Бреславлѣ). Berlin 1927, стр. 57.

Эта небольшая книжка имѣетъ почти цѣликомъ характеръ конспекта или «переложенія» философско-историческихъ работъ на русскомъ языкѣ, вышедшихъ за послѣдніе годы. Только краткая вводная глава (стр. 5—12) и «заключеніе» (55—57) посвящены анализу «су-